

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2019»

Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА В КОРПУСНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОДНИМ СЛОВОМ У ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ¹

Баранов А. Н. (baranov_anatoly@hotmail.com),
Добровольский Д. О. (dobrovolskij@gmail.com)

Институт русского языка РАН, Москва, Россия

Рассматривается гипотеза о том, что дискурсивные слова характеризуют авторский стиль писателя. В качестве объекта исследования выбрано устойчивое словосочетание *одним словом* на материале представительных корпусов Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и Гончарова. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Достоевский и Салтыков-Щедрин отличаются от других писателей-современников как частотой использования *одним словом* в дискурсивной функции, так и разнообразием семантики этого выражения. Особенно интересен в этом отношении Достоевский, в прозе которого представлены все дискурсивные функции *одним словом*: интерпретация (собственно интерпретация, вывод, уточнение/пояснение), новая идея, регулятивные употребления (прерывание дискурса, маркирование трудностей в выборе номинации, маркирование смены номинации (изменение номинации может быть на базовую, альтернативную и обобщающую), введение чужой речи: как в виде прямой, так и не собственно прямой речи. Что касается недискурсивных употреблений выражения *одним словом*, то они распределены у рассматриваемых авторов более или менее равномерно.

Ключевые слова: дискурсивные слова, авторский стиль, корпусный подход, язык Достоевского

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 18-012-90025, поддержанного РФФИ.

DISCURSIVE WORDS IN CORPUS DIMENSION: *ODNIM SLOVOM* IN THE WORKS OF DOSTOEVSKY AND HIS CONTEMPORARIES

Baranov A. N. (baranov_anatoly@hotmail.com),

Dobrovolskij D. O. (dobrovolskij@gmail.com)

Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

The starting point of the present paper is the hypothesis that discursive words characterize the individual style of the author. The subject of the study is the fixed expression *odnim slovom* 'in one word' in the works of Dostoevsky, Tolstoy, Saltykov-Shchedrin, Turgenev and Goncharov. The analysis of representative corpora yields the conclusion that Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin differ from other contemporaries both in the frequency of using this expression in the discursive function and in the variety of its semantics.

Particularly interesting in this respect is Dostoevsky, whose prose presents all discursive functions of the expression *odnim slovom*:

- interpretation (including interpretation proper, conclusion, and clarification/explanation),
- introducing a new idea,
- regulatory uses of *odnim slovom*, such as interruption of discourse, marking difficulties in choosing a nomination,
- marking the change of nomination, as well as
- the introduction of someone else's speech.

As for the non-discursive uses of the expression *odnim slovom*, they are distributed more or less evenly among the authors under consideration.

Key words: discursive words, individual style, corpus approach, Dostoevsky's language

1. Постановка проблемы

Изучению художественного стиля посвящены многочисленные исследования в литературоведении и в близких к нему лингвистических дисциплинах [Виноградов 1980]; [Лотман 1998]; [Томашевский 2002]; [Эйхенбаум 1969]. До последнего времени, однако, корпусные методы исследования художественного стиля в отечественной традиции практически отсутствовали. На этом фоне выделяются работы А. Я. Шайкевича и его соавторов, посвященные лингво-статистическому анализу представительных корпусов дискурсов различных типов, в том числе и художественных текстов [Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая 2003]; [2013]; [2016]. В этих исследованиях в явном виде ставится задача определения сходства текстов, входящих в соответствующий корпус. Некоторые из этих характеристик сходства относятся и к художественному стилю.

Возможен, однако, и другой подход к корпусному исследованию стиля художественной прозы: в этом случае лингво-статистическая модель стиля основывается на анализе частотного распределения ограниченного круга лексем, важных с точки зрения общих тенденций стилевых изменений. Разумеется, в этом случае успех во многом зависит от выбора этих конкретных единиц. Известно, например, что к числу «слов Достоевского» относятся выражения *как бы и так* [Арутюнова 1999]; [2006], *по крайней мере* [Баранов 1996], *кстати* [Баранов, Добровольский 2018], *вдруг* и др.

Рассмотрим, насколько индивидуально-авторским оказывается употребление выражения *одним словом*, допускающего как дискурсивные, так и недискурсивные употребления.

Для исследования мы выбрали тексты Ф. М. Достоевского, а также Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. С. Тургенева. Эти писатели принадлежат к одному поколению, что позволяет предположить, что различия их языка объясняются особенностями индивидуальных стилей, а не спецификой языка эпохи.

Естественно начать изложение с описания контекстов употребления выражения *одним словом* и выделения его значений.

2. Структура значения выражения *одним словом*

Как уже отмечалось выше, словосочетание *одним словом* имеет дискурсивные и недискурсивные употребления. Последние представлены примерами типа (1):

- (1) а. — Это всё вздор, — сказал Свидригайлов, намачивая полотенце и прикладывая его к голове, — а я вас *одним словом* могу осадить и все ваши подозрения в прах уничтожить. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание]
 б. Воспоминания толпою проходили перед ним, но были однообразны и исчерпывались *одним словом*: «ученье». [М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни]
 в. — Да ты знаешь ли, — перебил ее Николай Артемьевич, — что я могу уничтожить тебя *одним словом*? Елена подняла на него глаза. — Да, сударыня, *одним словом*! [И. С. Тургенев. Накануне]
 г. Между тем он одним взглядом, *одним словом* мог бы создать в ней глубокую страсть, к себе; но он молчит, он не хочет. [И. А. Гончаров. Обыкновенная история]
 д. — Но человек может чувствовать себя неспособным иногда подняться на эту высоту, — сказал Степан Аркадьич, чувствуя, что он кривит душою, признавая религиозную высоту, но вместе с тем не решаясь признаться в своем свободомыслеии перед особой, которая *одним словом* Поморскому может доставить ему желаемое место. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина]

К недискурсивным относятся также употребления исследуемого выражения в сочетании с частицей *ни*: *Если вы теперь нас подслушивали, то должны же были заметить, что она ни одним словом <...> не поддержала меня перед*

князем (Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон). Это вполне понятно, поскольку семантика выражения *ни одним* связана с указанием на количество — типичный «пропозициональный» смысл.

Самая большая группа дискурсивных употреблений — это контексты **интерпретации**, разделяющиеся на собственно интерпретацию, вывод и уточнение/пояснение. Различия между ними относительно невелики. Собственно интерпретация отличается от вывода, грубо говоря, тем, что в контекстах вывода присутствует нечто вроде естественной, наивной аргументации. Ср. примеры (2а) и (2б) в сопоставлении.

- (2) а. Прошу их не стесняться, веселиться, продолжать танцы, остро, смеюсь, *одним словом* — я любезен и мил. [Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот]
б. У стола стоял господин в очень истрепанном сюртуке (он уже снял пальто, и оно лежало на кровати) и развертывал синюю бумагу, в которой было завернуто фунта два пшеничного хлеба и две маленькие колбасы. На столе, кроме того, был чайник с чаем и валялись куски черного хлеба. Из-под кровати высовывался незапертый чемодан и торчали два узла с каким-то тряпьем. *Одним словом*, был страшный беспорядок. [Ф. М. Достоевский. Идиот]

В (2а) аргументация в пользу идеи, что «я любезен и мил», отсутствует. Действительно, странно было бы считать аргументами описание просьбы «не стесняться, веселиться, продолжать танцы». С другой стороны, развернутое описание беспорядка на столе в (2б) в рамках наивной логики вполне может служить аргументом тезиса «был страшный беспорядок». Именно поэтому, выражение *одним словом* в (2б) можно заменить на *резюмируя*, в силу сказанного и т. п. Очевидно, что такая замена для контекстов типа (2а) невозможна².

Для выделения контекстов уточнения/пояснения также можно предложить критерий замены. В этом случае выражение *одним словом* с небольшой потерей смысла можно заменить на формы *точнее*, *уточняя*, *поясняя*, *говоря проще*, *яснее* и под. Ср. (3):

- (3) Перед ними стоял человек, тормозящий русское дело, служащий польским интересам, *одним словом*, изменник отечеству, и ограничиться только тем, что прокричать ему только *à bas*, долой, вон!
[М. Е. Салтыков-Щедрин. Литература на обеде]

В примере (3) вполне были бы допустимы фразы типа *точнее*, *изменник отечеству* или *говоря яснее*, *изменник отечеству* и т. п. Еще одним дифференциальным признаком этого значения можно считать краткость пояснения, свойственную также и семантике вывода, но нехарактерную для собственно интерпретации.

Следующее значение *одним словом* вводит в дискурс **новую идею, или новый смысл**:

² Отметим, что приведенный критерий замены не является универсальным для выделения контекстов с семантикой вывода. Это требует особого обсуждения, выходящего за рамки данной работы.

- (4) а. Да я сам был глуп и нетерпелив и всё дело испортил. Авдотье Романовне еще несколько раз и прежде (а один раз как-то особенно) ужасно не понравилось выражение глаз моих, верите вы этому? *Одним словом*, в них всё сильнее и неосторожнее вспыхивал некоторый огонь, который пугал ее и стал ей наконец ненавистен. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание]
- б. Всё хозяйство, главное — положение всего народа, совершенно должно измениться. Вместо бедности — общее богатство, довольство; вместо вражды — согласие и связь интересов. *Одним словом*, революция, бескровная, но величайшая революция, сначала в маленьком кругу нашего уезда, потом губернии, России, всего мира. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина]
- в. Посмотрите зимой в сумерки на улицу: свет борется со тьмою; иногда крупный снег вступает в посредничество, угождая свету своею белизною и увеличивая мрак своим облаком. Но человек остается праздным свидетелем этой борьбы: он приумолкает, приостанавливается; нет движения; улица пуста; дома, как великаны, притаились во тьме; нигде ни огонька; все предметы смешались в каком-то неопределенном цвете; ничто не нарушает безмолвия, ни одна карета не простучит по мостовой <...>. *Одним словом*, кажется, настала минута осторожности... а в самом деле эта минута есть, может быть, самая неосторожная в целом дне. [И. А. Гончаров. Счастливая ошибка]

По внутренней форме выражение *одним словом* не должно было бы вводить новое. Казалось бы, это значение плохо мотивировано внутренней формой. В то же время смысловая связь пропозиции, вводимой *одним словом*, с предшествующим текстом очевидна. Это еще одна мысль как добавление к сказанному на ту же тему. Как и в случае собственно интерпретации, распространности, сложность этой новой мысли не лимитирована: это может быть краткая номинация *революция*, как в (4б), а может быть развернутое предложение, как в (4а) и (4в). Семантика *одним словом* в контекстах типа (4) — это добавление нового смысла.

Следующая большая группа контекстов — это **операторы, регулирующие дискурс**. Сюда относятся контексты прерывания дискурса (5) и маркирование с помощью *одним словом* трудностей в выборе номинации (6).

- (5) — Но уверяю же вас, голубчик... помилуйте! — Mon ami! Mon enfant! — воскликнул он вдруг, складывая перед собою руки и уже вполне не скрывая своего испуга, — если у тебя в самом деле что-то есть... документы... *Одним словом* — если у тебя есть что мне сказать, то не говори; ради бога, ничего не говори; лучше не говори совсем... как можно дольше не говори... [Ф. М. Достоевский. Подросток]
- (6) Извините меня, но я должен вам высказать, что слухи, до вас дошедшие или, лучше сказать, до вас доведенные, не имеют и тени здравого основания, и я... подозреваю, кто... *одним словом*... эта стрела... *одним словом*, ваша мамаша... [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание]

И (5), и (6) иллюстрируют различные техники регулирования дискурса. В примере (5) выражение *одним словом* указывает на то, что говорящий

не может или не хочет довести до конца предшествующую последовательность рассуждений. Одновременно говорящий формулирует что-то, что с его точки зрения более точно передает соответствующее коммуникативное намерение. В примере (6) оператор *одним словом* отражает трудности с выбором номинации, вводя ее различные варианты. Во всех случаях регулятивного употребления оператора *одним словом* это выражение одновременно указывает на hesitation говорящего, отражая ту или иную степень затрудненности порождения, формулирования речевого акта. Внутренняя форма, как и в контекстах введения новой идеи, не мотивирует актуальное значение.

Следует отметить, что выделение контекстов использования выражения *одним словом* для прерывания дискурса сочетается с другими типами значений. Так, в примере (7) прерывание сочетается с выводом, а в примере (8) — с введением в дискурс новой идеи:

- (7) Уверь кто-нибудь тогда честнейшего Степана Трофимовича неопровержимыми доказательствами, что ему вовсе нечего опасаться, и он бы непременно обиделся. А между тем это был ведь человек умнейший и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя, впрочем, в науке... Ну, *одним словом*, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего. Но ведь с людьми науки у нас на Руси это сплошь да рядом случается. [Ф. М. Достоевский. Бесы]
- (8) Я там вам у нотариуса, что ли, или как там... *Одним словом*, я готов на все, выдам все документы, какие потребуете, все подпишу... и мы эту бумагу сейчас же и совершили бы, и если бы можно, если бы только можно, то сегодня же бы утром... [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы]

Иными словами, семантика прерывания в некотором смысле ортогональна семантике интерпретации, вывода, введения новой идеи и т. п. Это другая характеристика дискурсивных употреблений.

Исследуемое выражение используется также для маркирования **смены номинации**: новая номинация может быть базовой (9), альтернативной (10) и обобщающей (11):

- (9) а. Действительный статский советник Иван Ильич Пралинский всего только четыре месяца как назывался вашим превосходительством, *одним словом*, был генерал молодой. [Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот]
б. — Григорий Литвинов, рубашка-парень, русская душа, рекомендую, воскликнул Бамбаев, подводя Литвинова к человеку небольшого роста и помещичьего склада, с расстегнутым воротом, в куцей куртке, серых утренних панталонах и в туфлях, стоявшему посреди светлой, отлично убранной комнаты, а это, прибавил он, обращаясь к Литвинову, это он, тот самый, понимаешь? Ну, Губарев, *одним словом*. [И. С. Тургенев. Дым]
- (10) Перед ним, как бес перед заутреней, вертелся маленький человек не то армянин, не то грек, *одним словом*, существо, которое Прокоп, под веселую руку, называл «православным жидом». [М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге]

- (11) Все это из самого полного внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет французское лицо, английское, *одним словом*, не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее, и что под этим видом его никак не узнают. [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя]

В примере (9) номинация *генерал молодой* (с учетом инверсии) оказывается более типичной, чем человек, *всего только четыре месяца как называвшийся вашим превосходительством*. В примере (10) номинация «*православный жид*» альтернативна по отношению к номинациям *маленький человек, армянин, грек*. Между номинациями *французское лицо, английское лицо*, с одной стороны, и номинацией *не свое лицо* (как в примере (11)) прослеживается отношение «род—вид».

Следующий тип дискурсивных употреблений, встречающийся у рассматриваемых авторов довольно редко, — это **введение чужой речи**: как в виде прямой (12), так и не собственно прямой речи (13).

- (12) — Хорошо, хорошо! Но скажите мне, почему вы узнали, что я такая женщина, с которой... ну, которую вы считали достойной... внимания и дружбы... *одним словом*, не хозяйка, как вы называете. [Ф. М. Достоевский. Белые ночи]
- (13) — Тут есть, — тут именно существует особое обстоятельство, — подхватил Де-Грие просящим тоном, в котором все более и более слышалась досада. — Вы знаете *mademoiselle de Cominges*? — То есть *mademoiselle Blanche*? — Ну да, *mademoiselle Blanche de Cominges... et madame sa mère...* согласитесь сами, генерал... *одним словом*, генерал влюблен и даже... даже, может быть, здесь совершится брак. [Ф. М. Достоевский. Игрок]

Выражение *одним словом* в функции введения чужой речи (как и в функции маркера прерывания) может сочетаться с семантикой интерпретации, вывода, пояснения и т. п. Иными словами, контексты указанного типа выделяются на других основаниях — не по содержанию пропозиции, вводимой *одним словом*, а по авторству соответствующей реплики.

3. Количественное распределение выражения *одним словом*

В связи с поставленной задачей представляет интерес распределение контекстов употребления *одним словом* по авторам и по значениям. Сначала имеет смысл сравнить дискурсивные и недискурсивные употребления; ср. **таблицу 1**:

Таблица 1. Распределение дискурсивных и недискурсивных употреблений *ОДНИМ СЛОВОМ*

	Достоевский	Салтыков-Щедрин	Толстой	Тургенев	Гончаров
Общее количество (абсолютная величина)	714	476	36	22	12
Дискурсивные употребления (абсолютная величина)	702	446	25	19	7
Дискурсивные употребления (относительная величина) ³	2,42	1,64	0,13	0,26	0,07
Недискурсивные употребления (абсолютная величина)	12	30	11	3	5

Из **таблицы 1** хорошо видно, насколько Достоевский опережает всех других авторов в дискурсивных употреблениях исследуемого выражения. Салтыков-Щедрин оказывается в этом отношении близок Достоевскому, а они вместе противопоставлены остальным трем авторам. Интересно отметить, что хотя исследуемые писатели обнаруживают существенные различия в дискурсивных употреблениях выражения *одним словом*, в недискурсивной функции это словосочетание оказывается более или менее уравновешенным по всем авторам. В относительных величинах различия в частоте употребления (в порядке упоминания авторов в таблице) будут таковы: 0,03–0,1–0,06–0,04–0,05. Приведенные значения настолько малы, что их варьирование не является статистически значимым.

³ Здесь и далее относительная величина считается на 10 тысяч словоупотреблений.

Таблица 2. Распределение дискурсивных употреблений *ОДНИМ СЛОВОМ*

	Достоевский	Салтыков-Щедрин	Толстой	Тургенев	Гончаров
Собственно интерпретация	287 (40,9%) ⁴	291 (65,2%)	11 (44%)	16 (84%)	5 (71,4%)
Вывод	203 (28,9%)	87 (19,5%)	7 (28%)	2 (10,5%)	0 (0%)
Уточнение / пояснение	26 (3,7%)	12 (2,69%)	3 (12%)	0 (0%)	0 (0%)
Новая идея	48 (6,8%)	32 (7,2%)	1 (4%)	0 (0%)	2 (28,6%)
Прерывание	107 (15,2%)	11 (2,46%)	3 (12%)	0 (0%)	0 (0%)
Трудность номинации	13 (1,8%)	7 (1,6%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Смена номинации на базовую	5 (0,7%)	1 (0,2%)	0 (0%)	1 (5,3%)	0 (0%)
Смена номинации на альтернативную	6 (0,8%)	2 (0,4%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Смена номинации на обобщающую	2 (0,28%)	2 (0,4%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Цитация прямой речи	1 (0,1%)	1 (0,2%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Несобственно прямая речь	4 (0,56%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)

Частотное распределение дискурсивных значений у различных авторов, приведенное в **таблице 2**, показывает, что активно используют различные дискурсивные функции выражения *одним словом* только Достоевский и Салтыков-Щедрин, причем наибольшее количество употреблений приходится на контексты собственно интерпретации (40,9% — Достоевский, 65,2% — Салтыков-Щедрин) и вывода, при этом у Достоевского вывод более частотен (28,9%), чем у Салтыкова-Щедрина (19,5%). Кроме того, Достоевский активно использует *одним словом* для прерывания дискурса (15,2% при чуть более 2% у Салтыкова-Щедрина). Процентное соотношение дискурсивных значений у других авторов не представляет интереса из-за низкой частоты употреблений данного выражения.

Полученные результаты подтверждаются и другим статистическим параметром — разнообразием семантики. Он вычисляется как процент реализаций каждого из значений от общего количества дискурсивных значений. Всего

⁴ Здесь и далее процент контекстов от общего количества дискурсивных употреблений у данного автора.

в разделе 2 были выделены следующие значения (без учета недискурсивных употреблений): собственно интерпретация (1), вывод (2), уточнение/пояснение (3), новая идея (4), прерывание дискурса (5), трудность номинации (6), смена номинации на базовую (7), альтернативную (8), обобщающую (9), цитация прямой речи (10), несобственно прямая речь (11). Соответственно, если у автора представлены все значения исследуемого выражения, то есть 11, то его индекс разнообразия будет равен 100%.

Таблица 3. Разнообразие семантики *ОДНИМ СЛОВОМ* по разным авторам

	количество значений	показатель разнообразия
Достоевский	11	100 %
Салтыков-Щедрин	10	90 %
Толстой	5	45 %
Тургенев	3	27 %
Гончаров	2	18 %

Из **таблицы 3** следует, что в целом степень разнообразия коррелирует с количеством дискурсивных употреблений. Исключение составляет Толстой, который при достаточно низком количестве дискурсивных употреблений *одним словом* показывает довольно высокий индекс разнообразия. Это говорит в пользу того, что выявленные значения не были чисто авторскими и представлены в художественной прозе разных авторов второй половины XIX века.

Приведенный материал показывает, что выражение *одним словом* в дискурсивных употреблениях может рассматриваться как показатель авторского стиля. В этом отношении художественные стили Достоевского и Салтыкова-Щедрина весьма близки. В то же время по результатам анализа одного или нескольких дискурсивных слов нельзя делать окончательный вывод о характеристиках авторства. Так, в работе [Баранов, Добровольский 2018] показано, что частота употреблений слова *кстати* в дискурсивной функции объединяет по стилевым характеристикам Достоевского и Тургенева, противопоставляя их всем остальным рассмотренным авторам. Очевидно, что лишь анализ достаточно большого списка дискурсивных слов позволит сделать релевантные выводы о характере индивидуального стиля каждого из этих авторов.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. (1999), Язык и мир человека. М., 1999. С. 846–869.
2. Арутюнова Н. Д. (2006), Неисследимые смыслы: просто так, да не так просто // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 65, № 2, 2006. С. 14–22.
3. Баранов А. Н. (1996), Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (по крайней мере vs. по меньшей мере в художественных текстах Достоевского) // Слово Достоевского. М., 1996. С. 110–136.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (2018) Кстати и некстати: к речевым практикам Достоевского // Русский язык в научном освещении, № 1 (35). С. 33–45.
5. Виноградов В. В. (1980) Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука.
6. Лотман Ю. М. (1998) Структура художественного текста // Ю. М. Лотман. Об искусстве. СПб.: Искусство.
7. Томашевский Б. В. (2002) Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс.
8. Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А. (2003) Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянских культур.
9. Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А. (2013) Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Том 1. М.: Языки славянских культур.
10. Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А. (2016) Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Том 2. М.: Языки славянских культур.
11. Эйхенбаум Б. М. (1969) О прозе. Л.: Художественная литература.

References

1. Arutyunova N. D. (1999), Language and the world of human being [Yazyk i mir cheloveka]. Moscow, 1999, p. 846–869.
2. Arutyunova N. D. (2006), Inexplicable meanings: just like that, but not so simple [Neissledimyye smysly: prosto tak, da ne tak] // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language [Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka]. Vol. 65, № 2, 2006, p. 14–22.
3. Baranov A. N. (1996), Sluzhebnye slova kak obyekt issledovaniya avtorskoj leksikografii (po krajnej mere vs. po men'shej mere v hudozhestvennyh tekstah Dostoevskogo) [Discursive words as an object of study of author's lexicography (krajnej mere vs. po men'shej mere in Dostoevsky's works)] // Word of Dostoevsky [Mir Dostoevskogo]. Moscow, 1996, p. 110–136.
4. Baranov A. N., Dobrovolskij D. O. (2018), Kstati and nekstati: discourse practices in Dostoevsky's works [Kstati i nekstati: k rechevym praktikam Dostoyevskogo], Russian language and linguistic theory [Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii], No. 1 (35), pp. 33–45.
5. Eykhenbaum B. M. (1969), On prose [O proze], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad.

6. Lotman Yu. M. (1998), The structure of the artistic text [Struktura khudozhestvennogo teksta], On art [Ob iskusstve], Iskusstvo, St. Petersburg.
7. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. (2003), Statistical Dictionary of Dostoevsky [Statisticheskii slovar' yazyka Dostoyevskogo], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow.
8. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. (2013), Distributive-statistical analysis of the language of Russian prose of 1850–1870-ies [Distributivno-statisticheskii analiz yazyka russkoy prozy 1850–1870-kh gg], Vol. 1, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow.
9. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. (2016), Distributive-statistical analysis of the language of Russian prose of 1850–1870-ies [Distributivno-statisticheskii analiz yazyka russkoy prozy 1850–1870-kh gg], Vol. 2, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow.
10. Tomashevsky B. V. (2002), Theory of Literature. Poetics [Teoriya literatury. Poetika], Aspekt Press, Moscow.
11. Vinogradov V. V. (1980), Selected Works. On the language of fiction [Izbrannyye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy], Nauka, Moscow.